

Г 34

28611

О. ГЕНРИ

РАССКАЗЫ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 33
ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“
МОСКВА — 1941

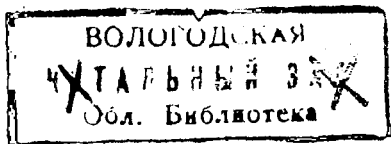

В. В. В. В.
В СОХРАННОСТИ

О. ГЕНРИ

РАССКАЗЫ

28611 .

Издательство „Правда“
Москва—1941

СОДЕРЖАНИЕ

Пути, которые мы избираем. Перевод А. Гуревича	3
Принцесса и пума. Перевод М. Урнова . .	12
Имнентские блинчики. Перевод М. Урнова .	23
Последний лист. Перевод Ю. Савельевой .	39

Отв. редактор Е. ПЕТРОВ

Издательство «Правда».	Изд. № 445	
Л38049	Зак. тип. 1438	Тир. 100 000
Статфор. А—105 × 148 мм. 11/2 п. л.	Кол. зн. в 1 п. л.	43.200
Цена 20 коп.	Подп. в печ.	28/V 1941 г.

Типография «Красное знамя», Москва, Суцеская, 21.

ПУТИ, КОТОРЫЕ МЫ ИЗБИРАЕМ

В двадцати милях к западу от Токсона «Вечерний экспресс» остановился у цистерны, чтобы набрать воды. Однако, помимо этой невинной жидкости, паровоз этого знаменитого пожирателя пространств пополнился еще кое-чем, отнюдь не столь полезным.

В то время как кочегар присоединял рукав, Боб Тидболл, Акула Додсон и метис из племени криков, по имени Джон Большая Собака, взобрались на паровоз и предъявили машинисту три круглых отверстия своей осадной артиллерии. Эти маленькие круглые отверстия произвели на машиниста такое впечатление, что он поднял руки с таким видом, будто хотел сказать: «Бросьте шутить!»

Повинуясь резкому приказанию Акулы Додсона, возглавлявшего нападающие силы, машинист спрыгнул на землю и отцепил паровоз и тендер. Затем Джон Большая Собака уселся на тендер и галантно взял на мушку обоих своих револьверов помощника машиниста и кочегара и пред-

ложил им отогнать машину на пятьдесят ярдов и ждать дальнейших распоряжений. Акула Додсон и Боб Тидболл, пренебрегая такой бедной рудой, как пассажиры, направились в поисках самородков прямо к почтовому вагону. Выяснилось, что проводник почтового вагона пребывал в непоколебимой уверенности, что «Вечерний экспресс» не набирает ничего более опасного и возбуждающего, чем aqua riga¹. В то время как Боб Тидболл выколачивал это ложное представление из его головы с помощью рукоятки своего шестизарядного револьвера, Акула Додсон закладывал порцию динамита под несгораемый шкаф почтового вагона. Сейф взорвался под мелодичный аккомпанемент тридцати тысяч долларов золотом и банкнотами. Пассажиры лениво высунулись из окон, ожидая увидеть на небе грозовые тучи. Кондуктор потянул за веревку звонка и удивился тому, что она повисла, не оказав никакого сопротивления. Акула Додсон и Боб Тидболл выпрыгнули из почтового вагона, унося с собой добычу в крепком парусиновом мешке, и неуклюже передвигаясь в своих высоких сапогах, побежали к паровозу.

Машинист, несмотря на всю свою злость, все же понял, что умнее всего подчиниться полученным им приказаниям, и с достаточной быстротой погнал паровоз прочь от неподвижного состава.

¹ Чистая вода.

Но в это время проводник почтового вагона несколько оправился от безразличия, внушенного ему шестизарядной аргументацией Боба Тидболла. Схватив винчестер, он выпрыгнул из вагона и принял участие в игре. М-р Джон Большая Собака сделал явную, хотя и ненамеренную ошибку, усевшись на угльном тендере и представляя собой превосходную мишень. И проводник немедленно пустил в ход свой главный козырь. С пулей как раз между лопатками индейский рыцарь большой дороги свалился на землю, увеличив тем самым долю каждого из своих товарищей на одну шестую.

В двух милях от резервуара машинисту приказано было остановиться.

Непринужденно распрощавшись, грабители бросились вниз по крутому склону и исчезли в густых зарослях, вплотную подходивших к железнодорожному полотну.

Расталкивая и ломая сухой чаппараль, они через пять минут добрались до небольшой полянки, где к низко нависшим деревьям были привязаны три оседланные лошади. Одна из них предназначалась для Джона Большой Собаки, которому никогда больше не суждено было ездить верхом.

С этого животного грабители сняли седло и уздечку и отпустили его на волю. Оседлав двух других лошадей и перебросив мешок через луку, они быстро и без излишнего шума двинулись в

глубь леса вдоль древней и заброшенной ложбины. Лошадь, которая несла на себе Боба Тидболла, поскользнувшись на заросшем мохом валуне, сломала переднюю ногу. Они тут же пристрелили ее и присели, чтобы выработать дальнейший план бегства. По крайней мере, на некоторое время они могли не бояться погони, так как оставили за собой длинный и запутанный путь. Много миль и часов лежало между ними и самой быстрой погоней. Лошадь Акулы Додсона с волочащейся веревкой и свисающей уздечкой тяжело дышала и, воспользовавшись случаем, шипала траву по берегу ручейка, бежавшего в ложбине. Боб Тидболл открыл мешок, вытащил крупный банкнот и мешочек с золотом и по-детски рассмеялся.

— Послушай, старый пират, — весело сказал он Додсону, — ты первый сказал, что мы сумеем обтяпать это дело, ты со своей головой можешь дать сто очков вперед кому угодно во всей Аризоне.

— Как насчет лошади, Боб? Мы не можем здесь долго прохлаждаться. Еще до утра они нападут на наш след.

— По-моему, пока что мы можем поехать на твоей, — ответил неунывающий Боб. — Мы конфискуем первое четвероногое, которое попадется нам на пути. Неплохой кусочек мы отхватили. Если верить цифрам на этих банкнотах, то у нас с тобой по пятнадцати тысяч на брата.

— Чуть поменьше, чем я ожидал, — сказал Акула Додсон, шевельнув носком сапога разложенные на земле пачки банкнот. Затем он задумчиво взглянул на мокрые бока своего усталого коня.

— Старик Боливар почти выдохся, — проговорил он. — Как жаль, что твой гнедой сломал ногу.

— Да, жаль, — с готовностью подтвердил Боб. — Но что ж поделаешь. У Болиvara спина крепкая. Он вывезет нас обоих, пока мы не достанем свежих лошадей. Чорт возьми, Акула! Страшно смешно, когда такой человек с Востока, как ты, приезжает сюда и учит нас, коренных обитателей Запада, как разыгрываются козыри в нашей любимой игре. Ты из какой части восточных штатов?

— Из штата Нью-Йорк, — ответил Акула Додсон, сидя на валуне и пожевывая веточку чаппарала. — Я родился на ферме в округе Ульстер. Из дому я убежал, когда мне было семнадцать лет. На Запад я попал случайно. Я шел по дороге с узелком за спиной, направляясь в Нью-Йорк. Я был уверен, что сумею заработать там кучу денег. Однажды вечером я очутился перед разветвлением дороги и не знал, в какую сторону мне свернуть. Полчаса я раздумывал и, наконец, свернул налево. В ту же ночь я наткнулся на группу ковбоев из «Дикого Запада», объезжавших мелкие городишки. И вместе с ними двинулся на Запад. Я часто пытаюсь себе пред-

ставить, что было бы со мной, если бы я свернул направо.

— Думаю, что ты кончил бы примерно тем же самым, — весело, с философской улыбкой заметил Боб Тидболл. — Суть не в том, какой путь мы избираем: суть заключается в том, что сидит внутри нас и заставляет нас избрать ту или иную дорогу.

Акула Додсон встал и прислонился к дереву.

— Я дал бы что угодно, Боб, за то, чтобы твой гневой не сломал ногу, — сказал он патетически.

— Я тоже, — согласился Боб. — Это был хороший конь. Но Боливар один сможет вытащить нас. По-моему, нам пора собираться. Я сейчас снова запрячу эту ружлядь в мешок, и мы двинемся в лес.

Боб Тидболл сложил добычу в мешок и крепко завязал его веревкой. Когда он поднял голову, первое, что он увидел, было отверстие сорокапятикалиберного револьвера Акулы Додсона, направленного на него твердой рукой.

— Брось шутить, — осклабившись, сказал Боб. — Нам нужно поскорее распустить паруса.

— Стой смирно! — сказал Акула Додсон. — Тебе больше не придется распускать паруса. Как мне ни жаль, но шанс на спасение есть только у одного из нас. Боливар порядком устал, и он не вынесет двоих.

— Мы с тобой были товарищами три года,

Акула, — спокойно сказал Боб. — Не один раз мы вместе рисковали жизнью. Я всегда честно поступал с тобой. И считал тебя мужчиной. Ходили насчет тебя темные слухи о том, как ты кое-кого подстрелил при довольно подозрительных обстоятельствах, но я им не верил. Так вот, если ты решил слегка пошутить со мной, Акула, убери свою пушку, и мы сядем на Боливара — и крышка. Если же ты намерен стрелять, так стреляй, подлое отродье тарантула!

На лице Акулы появилось выражение глубокой печали.

— Ты не можешь себе представить, Боб, — сказал он со вздохом, — как мне жаль, что твой гневой сломал ногу.

Внезапно печальное выражение на лице Додсона сменилось выражением холодной жестокости, смешанной с неумолимой алчностью. Душа этого человека проглянула в этом взгляде, как иногда проглядывает преступное лицо в окне всеми уважаемого дома. И в самом деле, Бобу Тидболлу больше никогда не пришлось распускать паруса. Раздался треск, и сорокапятникалиберный револьвер наполнил долину грохотом, с возмущением повторенным ближними скалами. Боливар, избавленный от тяжелой обязанности нести на себе двоих, быстро унес последнего из участников ограбления «Вечернего экспресса».

Но в то время, как Акула Додсон мчался га-лопом на Боливаре, лес начал медленно таять

перед его взором, револьвер, который он держал в правой руке, превратился в изогнутую ручку кресла, седло его покрыла странная обивка, и, открыв глаза, он увидел, что ноги его не упираются в стремена, но мирно покоятся на краю большого дубового стола.

Другими словами, я хочу вам сказать, что Додсон из банкирского дома «Додсон и Беккер» на Уолл-стрит проснулся. Около его кресла стоял Пибоди, его личный секретарь, не решавшийся побеспокоить его. Снизу через окно доносился гул колес экипажей и успокоительное жужжание электрического вентилятора.

— Гм... гм! Пибоди, — сказал Додсон, усиленно мигая. — Я, повидимому, заснул? Мне приснился замечательный сон. В чем дело, Пибоди?

— Вас там ожидает Вильямс из фирмы «Треси и Вильямс». Он пришел разрешить вопрос об Икс, Игрек, Зэт. Он попался с ними на бирже, если вы помните, сэр.

— Да, помню. Сколько сегодня стоят Икс, Игрек, Зэт, Пибоди?

— Один восемьдесят пять, сэр.

— Пусть возьмет их по этой цене.

— Прошу прощения, сэр, за то, что я упоминаю об этом, — слегка волнуясь, сказал Пибоди. — Но я разговаривал с Вильямсом. Он ваш старый друг, мистер Додсон, и фактически судьба Икс, Игрек, Зэт зависит от вас. Быть может, вы вспомните, то есть, быть может, вы

не забыли, что он вам продал их по девяносто восемь. Если вы отдадите их ему по рыночной цене, он потеряет все до единого цента, и ему еще придется в придачу продать свой дом.

На одно мгновение на лице Додсона появилось выражение холодной жестокости, смешанной с безграничной жадностью. В этом взгляде душа человека проглянула, как иногда в окне всеми уважаемого дома проглядывает лицо преступника.

— Он возьмет их по один восемьдесят пять,— сказал Додсон. — Боливар не вынесет двоих.

ПРИНЦЕССА И ПУМА

Разумеется, не обошлось без короля и королевы. Король был страшным стариком: он носил шестизарядные револьверы и шпоры и орал таким ужасным голосом, что гремучие змеи прятались в свои норы под колючей грушей... До коронации его звали «Бен Шептун». Когда же он обзавелся пятьюдесятью тысячами акров земли и таким количеством скота, что потерял ему счет, его стали звать: О'Доннель — «король скота».

Королева была мексиканской девушкой из Ларедо. Из нее вышла хорошая, нежная, кроткая жена, и ей даже удалось научить Бена настолько умерять свой голос в доме, что при звуке его не лопалась посуда.

Когда Бен стал королем, она сидит, бывало, на галлерее ранчо Эсниноза и плетет тростниковые циновки. Когда богатство стало настолько непреодолимым и угнетающим, что из Сан-Антоне в фургонах привезли мягкие кресла и круглый

стол, она склонила темноволосую, гладко причесанную голову и разделила судьбу Данаи¹.

Во избежание *lèse majesté*² вас, читатель, сначала представили королю и королеве. Но рассказ не о них, и он может быть назван «хроникой о том, как принцесса не растерялась и как лев сваял дурака». Принцессой была здравствующая дочь, Жозефа О'Доннель. Она унаследовала от матери добрый нрав и смуглую полутропическую красоту. От Бена О'Доннеля, его величества, она получила запас бесстрашия, здравого смысла и умение управлять. Стоило приехать издалека, чтобы посмотреть на такую комбинацию. На всем скаку Жозефа могла всадить пять пуль из шести в жестянку из-под помидоров, вращающуюся на конце веревки. Она могла часами играть с белым своим котенком, наряжая его во всевозможные нелепые костюмы. Презирая карандаш, она могла высчитать в уме, сколько принесет барыша тысяча пятьсот сорок пять двухлеток, если их продать по восьми с половиной долларов за голову. Говоря ориентировочно, ранчо Эспиноза имеет сорок миль в длину и тридцать в ширину — большей частью арендной — земли. Жозефа исследовала почти каждую ее милю на своей лошади. Каждый ковбой на этом пространстве знал ее в лицо и был ее верным вассалом. Рипли

¹ Данаи допустила Юпитера овладеть ею под видом золотого дождя.

² Оскорбление величества.

Гивнз, старший из ковбойских партий Эспинозы, увидел ее однажды и решил оформить брачный союз с членом королевской фамилии. Самонадеянность? О нет! В те дни на землях Нуесес человек был человеком. И в конце концов титул «короля скота» не предполагает королевской крови. Часто он означает только, что его обладатель носит корону в знак своих выдающихся способностей ловко воровать скот.

Однажды Рипли Гивнз отправился в ранчо Дабль Эльм справиться о пропавших годовичках. В обратный путь он тронулся поздно, и солнце уже садилось, когда он достиг переправы Уайт Хорс на реке Нуесес. От переправы до его лагеря было шестнадцать миль. До усадьбы ранчо Эспиноза — двенадцать. Гивнз утомился. Он решил провести ночь у переправы.

Река образовала красивую заводь. Берега густо поросли большими деревьями и кустарником. В пятидесяти ярдах от заводи тянулась поляна, поросшая курчавой мескитовой травой — ужин для лошади и постель для всадника. Гивнз привязал лошадь и разложил потники для просушки. Он сел, прислонившись к дереву, и свернул папиросу. Откуда-то с реки, из чащи вдруг донесся яростный, приводящий в содрогание вой. Лошадь заплясала, дергая аркан, и со свистом всхрапнула, почуяв опасность. Гивнз продолжал попыхивать папироской и неспеша потянулся за патронташем, лежавшим на траве, и для проверки

повернул барабан револьвера. Большая шука с шумным всплеском нырнула в заводи. Маленький бурый кролик обскакал куст «кошачьей лапки» и сел, поводя усиками и насмешливо глядя на Гивнза. Лошадь принялась за траву.

Не мешает принять благоразумные меры предосторожности, когда на закате солнца мексиканский лев поет сопрано у реки. Может быть, песнь его говорит о том, что молодых телят стало мало, а жирные ягнята редки, и что он горит кровожадным желанием познакомиться с вами.

В траве валялась пустая жестянка из-под фруктовых консервов, брошенная каким-нибудь ранее побывавшим здесь путником. Гивнз увидел ее и хрюкнул от удовольствия. В кармане пальто, привязанного к седлу, было несколько пригоршней кофе. Черный кофе и папиросы! Чего еще надо ковбою?

В две минуты он развел небольшой яркий костер. Он взял жестянку и пошел к заводи. Не доходя пятнадцати ярдов до берега, он увидел между кустов слева и на небольшом расстоянии от себя лошадь, оседланную дамским седлом, щипавшую траву. А у самой воды с четверенек вставала Жозефа О'Доннель. Она только что пила воду и отряхивала песок с ладоней. В десяти ярдах направо от нее Гивнз увидел припавшее к земле туловище мексиканского льва, полускрытое ветвями саквисты.

Янтарные глаза зверя сверкали голодным ог-

нем. В шести футах от них находился кончик хвоста, вытянутого прямо, как у пойнера. Задние лапы двигались, как у представителя кошачьей породы перед прыжком.

Гивнз сделал, что мог. Его шестизарядный револьвер валялся на траве в тринадцати ярдах. Он испустил вопль и кинулся между львом и принцессой.

«Схватка», как Гивнз называл ее после, была непродолжительной и немного странной. Прибыв на место атаки, Гивнз увидел дымную полосу в воздухе и услышал два слабых выстрела. Затем сто фунтов мексиканского льва бухнули на его голову и тяжелым ударом распростирали его на земле. Он помнил чей-то крик: «Теперь вставайте, представление кончилось!», и тогда выполз из-под льва, как червяк, с набитым травой и грязью ртом и большой шишкой на затылке, там, где он стукнулся о корень вяза. Лев лежал неподвижно. Гивнз чувствовал себя обиженным и, подозревая подвох, пригрозил льву кулаком и крикнул: «Ах, ты!..»— и тут он пришел в себя.

Жозефа стояла на прежнем месте, спокойно перезаряжая тридцативосьмикалиберный револьвер, оправленный серебром. Попасть было нетрудно. Львиная голова представляла более легкую мишень, чем жестянка из-под помидоров, вертящаяся на конце веревки. На губах и в темных глазах ее играла вызывающая, дразнящая и сводящая с ума улыбка. Рыцарь-«избавитель» почувствовал,

как фиаско огнем жжет его сердце. Вот где ему представлялся случай, случай, о котором он так мечтал. Но подстроил его Момус, не Купидон. Сатиры в лесу уж, наверное, хватались за бока, посмеиваясь веселым, беззвучным смехом. Разыгралось что-то вроде водевиля под названием «Сеньор Гивнз и его забавное приключение с чучелом льва».

— Это вы, мистер Гивнз? — сказала Жозефа своим спокойным сахариновым контральто. — Вы чуть не испортили мне выстрела своим криком. Вы не повредили себе голову, когда упали?

— О, нет, — спокойно сказал Гивнз, — ничуть.

1986
Он позорно наклонился и вытащил из-под зверя свою лучшую стетсоновскую шляпу. Она была так изорвана и помята, словно ее сняли с огородного чучела. Затем он встал на колени и нежно погладил свирепую, с открытой пастью голову мертвого льва.

— Бедный старый Билль! — печально воскликнул он.

— Что такое? — резко спросила Жозефа.

— Вы, конечно, не знали, мисс Жозефа, — сказал Гивнз с видом человека, позволяющего великодушно восторжествовать над горем. — Никто не может осудить вас. Я пытался спасти его, но я не мог предупредить вас вовремя.

— Спасти кого?

— Да Билля. Я весь день искал его. Ведь два года он был общим любимцем в лагере. Бедный

старик! Он, бывало, не обидит и кролика. Ребята просто с ума сойдут, когда услышат. Но вы ведь не знали, что он хотел только поиграть с вами.

Черные глаза Жозефы упорно жгли его. Рипли Гивнз успешно выдержал испытание. Он стоял и задумчиво ерошил свои темнорусые кудри. В глазах его было сожаление не без примеси нежного укора. Приятные черты его лица выражали несомненное горе. Жозефа дрогнула.

— Что же делал здесь ваш любимец? — спросила она, делая последнее наступление. — У переправы Уайт Хоре нет никакого лагеря.

— Старый разбойник вчера удрал из лагеря, — с готовностью ответил Гивнз. — Удивляться приходится, как его до смерти не напугали койоты. На прошлой педеле, знаете ли, Джим Уэбстэр, наш объездчик, привез в лагерь небольшого щенка-терьера. Щенок буквально отравил Биллю жизнь: он гонял его по лагерю и, бывало, часами жевал его задние лапы. Каждую ночь, как только ложились спать, Билль забирался под одеяло к кому-нибудь из ребят и спал там, скрываясь от щенка. Видно, его довели до отчаяния, а то бы он не сбежал. Он всегда боялся уходить из лагеря.

Жозефа посмотрела на труп свирепого зверя. Гивнз нежно похлопал его по страшной лане, которая одним ударом могла убить годовалого теленка. Яркий румянец медленно расплылся по

смуглооливковому лицу девушки. Был ли то признак стыда, какой испытывает профессиональный охотник, убив неподходящую дичь? Взгляд ее смягчился, а опущенные ресницы смахнули с глаз веселую насмешку.

— Мне очень жаль, — смиренно сказала она, — но он выглядел таким огромным и прыгнул так высоко, что...

— Бедняга Билль был голоден, — перебил Гивнз, спеша защитить покойника. — Мы всегда в лагере заставляли его прыгать за едой. Он, бывало, ложился и прыгал за куском мяса. Увидев вас, он подумал, что получит от вас чего-нибудь поесть.

Вдруг глаза Жозефы широко раскрылись.

— Ведь я могла застрелить вас! — воскликнула она. — Вы как раз бросились между нами. Вы рисковали жизнью, чтобы спасти своего любимца. Это замечательно, мистер Гивнз! Мне нравятся люди, которые любят животных.

Да, даже восхищение было сейчас в ее взгляде. Как никак, а из позорных руин вставал герой. Выражение его лица обеспечило бы ему высокое положение в «Обществе покровительства животных».

— Я всегда любил животных, — сказал он, — лошадей, собак, мексиканских львов, коров, аллигаторов..

— Ненавижу аллигаторов, — моментально оборвала Жозефа. — Ползучие грязные твари.

— Разве я сказал: «аллигаторов»? — спросил Гивнз.— Ну, конечно, я имел в виду антилоп.

Совесть Жозефы заставила ее пойти на дальнейшие уступки. Покаянно она протянула руку. В каждом ее глазу блестела непролитая слеза.

— Прошу вас, простите меня, мистер Гивнз. Поймите, ведь я только девушка и законно испугалась. Мне очень, очень жаль, что я застрелила Билля. Вы представить себе не можете, как мне стыдно. Знай я, я ни за что бы этого не сделала.

Гивнз взял протянутую руку. Он держал ее до тех пор, пока не разрешил щедрой своей натуре забыть скорбь об утрате Билля. Наконец, стало ясно, что он простил ее.

— Прошу вас, не говорите больше об этом, мисс Жозефа. Билль своим видом мог напугать любую девушку. Я объясню ребятам все, как следует.

— Вы в самом деле уверены, что у вас нет ко мне чувства ненависти? — Жозефа импульсивно придвинулась к нему. Глаза ее были ласковы, да, ласковы, и она молила с трогательным раскаянием.— Я возненавидела бы всякого, кто убил бы моего котенка. Как смело и благородно с вашей стороны, что вы, рискуя быть застреленным, пытались спасти его! Очень, очень немногие поступили бы так!

Победа, вырванная из поражения! Водевиль, превращенный в драму! Bravo, Рипли Гивнз!

Спустились сумерки. Разумеется, мисс Жозефе

нельзя было позволить ехать в усадьбу одной. Гивнз подседлал свою лошадь, несмотря на ее укоризненные взгляды, и поехал с Жозефой. Бок о бок они скакали по мягкой траве, принцесса и любитель животных. Густые и свежие запахи прерии, плодородной земли и нежных цветов встречали и провожали их. Чу, на холме завывали — койоты! Чего бояться! И все же...

Жозефа подъехала ближе. Маленькая ручка, по видимому, что-то нащупывала. Гивнз покрыл ее своей. Лошади шли нога в ногу. Руки медленно сомкнулись, и обладатель одной из них заговорил:

— Я никогда не пугалась раньше, но вы подумайте, как ужасно было бы встретиться с настоящим диким львом. Бедняга Билль! Я так рада, что вы поехали со мной.

О'Доннель сидел на галлерее.

— Алло, Рих! — закричал он. — Это ты?

— Он провожал меня, — сказала Жозефа. — Я сбилась с дороги, и было поздно.

— Премного обязан, — гаркнул король скота, — заночуй, Рип, а в лагерь поедешь завтра.

Но Гивнз не мог. Он должен был скакать в лагерь. На рассвете нало было отправить гурт быков. Он пожелал доброй ночи и рысью отъехал.

Час спустя, когда погасли огни, Жозефа в ночной рубашке подошла к двери и через коридор с каменным полом крикнула королю, который находился в своей комнате;

— Алло, пап! Ты знаешь старого мексиканского льва, с кличкой «Карноухий дьявол» — того самого, что задрал Гонзалеса, овечьего пастуха мистера Мартина, и около пятидесяти овец на пастбище Саладо? Так я разделалась с ним сегодня у переправы Уайт Хоре. Он прыгнул, а я всадила ему в голову две пули из моего тридцативосьмикалиберного. Я узнала его по рваному левому уху, изуродованному кинжалом старика Гонзалеса. Ты сам бы не сделал лучшего выстрела, пап.

— Молодчина! — прогремел Бен Шептун из мрака королевской опочивальни.

ПИМИЕНТСКИЕ БЛИНЧИКИ

Когда мы загоняли гурт скота с тавром «Треугольник О» на торговые суда Фрио, торчащий сук сухого мескита зацепился за мое деревянное стремя, я вывихнул себе ногу и неделю провалялся в лагере.

На третий день моего вынужденного безделья я выполз к фургону с провизией и беспомощно растянулся под разговорным обстрелом Джедсона Одома, походного повара.

Джед был рожден для монологов, но судьба, с обычным для нее промахом, навязала ему профессию, в которой он большую часть времени был лишен аудитории.

Таким образом, я был манной в пустыне вынужденного молчания Джеда. Своевременное во мне заговорило немощное желание поесть чего-нибудь такого, что не входило в опись нашего пайка. Меня посетили видения матушкиного буфета, «сладостные, как первая любовь, и полные разочарований», и в конце концов я спросил:

— Джед, ты умеешь печь блинчики?

Джед отложил свой шестизарядный револьвер,

которым собирался отделявать антилопью отбивную, и встал передо мною, как мне показалось, в угрожающей позе. Впечатление от враждебности его позы еще более усилилось, когда он устремил на меня холодный и подозрительный взгляд своих блестящих голубых глаз.

— Слушай, ты! — сказал он с явным, хотя и сдержанным гневом. — Ты это серьезно или хочешь меня разыграть? Кто-нибудь из ребят рассказывал тебе обо мне и об этой истории с блинчиками?

Джед сразу смягчился, увидев, что я говорю без намеков. Он притащил из фургона какие-то таинственные мешочки и жестяные баночки и сложил их в тени куста, под которым я растянулся. Я следил, как он начал неспеша расставлять их и развязывать многочисленные веревочки.

— Нет, не история, — сказал Джед, продолжая копать, — а просто логические неувязки, происшедшие со мной, этим слюнтяем из лошины Шелудивого Осла и мисс Уиллелой Лирайт. Что ж, я, пожалуй, расскажу тебе.

Я клеймил тогда скот у старика Билля Туми на Са-Мигуэле. Однажды мне страсть как захотелось пожевать какой-нибудь такой консервированной кормежки, которая бы не мычала, не бляела, не хрюкала и не отмеривалась бы гарнцами. Ну, я вскакиваю на свою малышку и лечу в лавку дяди Эмсли Телфэра у Пимментской переправы через Нуесес.

Около трех пополудни я накинул поводья на сук мескита и пешком прошел последние двадцать шагов до лавки дяди Эмсли. Я вскочил на прилавок и объявил дяде Эмсли, что, по всем признакам, мировому урожаю фруктов грозит гибель. Через минуту я имел мешок сухарей, ложку с длинной ручкой и по открытой банке абрикосов, ананасов, вишен и слив, а рядом трудился дядя Эмсли, вырубая топориком желтые крышки. Я чувствовал себя, как Адам до скандала с яблоком, вонзал шпоры в прилавок и орудовал своей двенадцатичетырехдюймовой ложкой, как вдруг посмотрел случайно в окно на двор дома дяди Эмсли рядом с лавкой.

Там стояла девушка, неизвестная девушка в полном снаряжении, развлекаясь крокетным молотком и с интересом наблюдая за моим способом поощрения фруктово-консервной промышленности.

Я скатился с прилавка и сунул лопату дяде Эмсли.

— Это моя племянница,—сказал он.—Мисс Уиллела Лирайт, приехала погостить из Палестины. Хочешь, я тебя познакомлю?

«Из святой земли,—сказал я себе, и мои мысли сбились в кучу, как овцы, когда их загоняешь в корраль.—А почему нет? Ведь были же ангелы в Палес...»—Конечно, дядя Эмсли,—сказал я громко,—мне было бы страшно приятно познакомиться с мисс Лирайт.

Тогда дядя Эмсли вывел меня на двор и представил нас друг другу.

Я никогда не был робок с женщинами. Я никогда не мог понять, почему это некоторые мужчины, способные в два счета укротить мустанга и побриться в темноте, становятся вдруг паралитиками и, черт знает, как потеют и заикаются, завидев кусок миткаля, обернутый вокруг того, вокруг чего ему полагается быть обернутым. Через восемь минут я и мисс Уиллела дружно гоняли крокетные шары, будто двоюродные брат и сестра. Она съязвила насчет количества съеденных мною фруктовых консервов, а я, не очень смущаясь, дал сдачи, напомнив, как некая особа, по имени Ева, устроила сумятицу из-за фруктов на первом свсбодном пастбище... «Кажется, в Палестине, не правда ли?» — говорю я спокойно и нежно, словно заарканиваю однолетку.

Таким вот манером я стал на короткую ногу с мисс Уиллелой Лирайт; современем ее расположение ко мне росло. Она проживала на Пиммиентской переправе ради поправления здоровья, очень хорошего, надо сказать, и ради климата, который был здесь жарче на сорок процентов, чем в Палестине.

Сначала я наезжал повидать ее раз в неделю, а потом рассчитал, что если я удвою число поездок, то буду видаться с ней вдвое чаще. Как-то на одной неделе я отправился в третью поездку. Вот тут-то и втесались в игру блинчики

и красноглазый слюнтяй. Сидя в тот вечер на прилавке с персиком и двумя сливами во рту, я спросил дядю Эмсли, что поделявает мисс Уиллела.

— А она,—говорит дядя Эмсли,—поехала показаться с Джексонном Птицей, овцеводом из лощины Шелудивого Осла.

Я проглотил персиковую косточку и две от слив. Наверное, кто-нибудь держал прилавок под уздцы, когда я слезал. А потом я вышел и направился по прямой, пока не уперся в мескит, где был привязан мой чалый.

— Она поехала кататься,—прошептал я в ухо своей малышке,—с Птицсоном Джеком, Шелудивым Ослом из овцеводной лощины,—ты понимаешь, подкованная старушка?

Мой чалый заплакал на свой манер. Это был ковбойский конь, и он не любил овцеводов.

Я вернулся и спросил дядю Эмсли:

— Так ты сказал — с овцеводом?

— Я сказал — с овцеводом,—повторил дядюшка.— Ты, верно, слышал о Джексоне Птице. У него восемь участков пастбища и четыре тысячи голов лучших мериносов к югу от полярного круга.

Я вышел, сел на землю в тени у лавки и прислонился к колючей груше.

Безрассудными руками я сыпал за голенища песок и произносил мочологи по поводу птицы из породы Джексонных.

За свою жизнь я не изуродовал ни одного овцевода и не верил в эту необходимость. Однаж-

ды я повстречал одного, он ехал верхом и читал латинскую грамматику, — так я его пальцем не тронул. Овцеводы никогда не раздражали меня, как раздражает большинство ковбоев. Ведь ты не пойдешь уродовать и калечить слюнтяев, которые едят за столом, носят ботинки и говорят с тобою на темы. Я всегда пропускал их мимо, как пропускают обычно кролика; еще скажешь что-нибудь приятное и потолкуешь насчет погоды, но, конечно, никаких распивочных и навывнос не было. Вообще я не считал нужным связываться со всякими слюнтями. Так вот потому, что я был любезен и давал им дышать, один такой разъезжает с мисс Уиллелой Лирайт.

За час до заката они прискакали обратно и остановились у ворот дяди Эмсли. Овечья особа помогла Уиллеле слезть, и некоторое время они постояли, перебрасываясь игривыми и хитроумными фразами. А потом окрылённый Джексон влетает в седло, приподнимает кастрюлеподобную шляпу и трусит в направлении своего бараньего ранчо. К тому времени я вытряхнул песок из сапог и отделился от колючей груши; он отъехал с полмили от Пимиенты, когда я поровнялся с ним на моем чалом.

Я назвал этого слюнтя красноглазым, но это не верно. Его зрительное приспособление было довольно серым, но ресницы были красные, а волосы песочного цвета, оттого он и казался красноглазым. Овцевод?.. Куда к чорту, в лучшем случае

ягнятник, козявка какая-то, с желтым шелковым платком вокруг шеи и в ботинках со шнурками.

— Привет!—сказал я ему.—Вы сейчас едете в всадником, которого обычно называют Джедсон—«Верная смерть» за манеру его стрельбы. Когда я хочу представиться незнакомому, я всегда представляюсь ему до выстрела, потому что терпеть не могу пожимать руку покойнику.

— Вот как!—говорит он как ни в чем не бывало.—Рад познакомиться с вами, мистер Джедсон. Я Джексон Птица с ранчо Шелудивого Осла.

Как раз в этот момент один мой глаз увидел куропатку, скачущую по холму с молодым тарантулом в клюве, а другой глаз заметил ястреба, сидевшего на сухом суку вяза. Я хлопнул их для пушей важности одну за другим из своего сорокапятикалиберного.

— Две из трех,—говорю я.—Птицы, должен вам заявить, так и садятся на мои пули, где бы я ни находился.

— Чистая стрельба,—говорит овцевод, не моргнув глазом.—Скажите, а вам не случилось промахнуться на третьем выстреле? А ведь совершенно замечательный для кормов дождик выпал на прошлой неделе, мистер Джедсон,—говорит он.

— Уилли,—говорю я, подъезжая вплотную к его фасонной лошади,—ваши ослепленные родители наделили вас именем Джексон, но вы определенно выродились в чирикающего Уилли. Давайте бросим эти самые анализы дождичка и стихий и

поговорим о том, что не входит в словарь попу- гаев. Вы завели дурную привычку кататься с мо- лодыми девицами из Пимиенты. Я знал пта- шек,—говорю я,—которых поджаривали за мень- шие проступки. Мисс Уиллела,—говорю я,—совсем не нуждается в гнезде, свитом из овечьей шер- сти пичужкой из породы Джексонов. Так вот, на- мерены вы прекратить эти штучки или желаете галопом наскочить на приставку «Верная смерть» к моему имени, в которой два слова и указание по меньшей мере на одну похоронную процессию.

Джексон Птица слегка покраснел, а потом за- смеялся.

— Ах, мистер Джексон,—говорит он,—вы заблуж- даетесь. Я заезжал несколько раз к мисс Лирайт, но не с той целью, о которой вы думаете. Мой объект чисто гастрономического свойства.

Я потянулся за револьвером.

— Всякий койот,—говорю я,—который осмелит- ся непочтительно..

— Подождите минутку,—говорит эта пташка,— дайте объяснить. Что я стал бы делать с же- ной? Посмотрели бы вы на мое ранчо. Я сам себе стряпаю и штопаю. Еда — вот единственное удовольствие, извлекаемое мной из разведения овец. Мистер Джексон, вы пробовали когда-ни- будь блинчики, которые печет мисс Лирайт?

— Я? Нет,—сказал я ему.—Меня даже не ин- формировали, что она занимается кулинарными манипуляциями.

— Это же золотые созвездия,—говорит он,—подрумяненные на амброзийном огне Эпикура. Я бы отдал два года жизни за рецепт приготовления этих блинчиков. Вот зачем я ездил к мисс Лирайт,—говорит Джексон Птица.—но мне не удалось узнать его. Это старинный рецепт, и он сохраняется в семье семьдесят пять лет. Он передается из поколения в поколение, и посторонним его не сообщают. Если бы я мог достать этот рецепт, я пек бы сам себе блинчики на ранчо и был бы счастливым человеком,—говорит Птица.

— Вы уверены,—говорю я ему,—что вы гоняетесь не за ручкой, которая месит блинчики?

— Уверен,—говорит Джексон.—Мисс Лирайт—совершенно очаровательная девушка, но, я повторяю, мои намерения не выходят за пределы гастро...—но он увидел, что моя рука скользнула к кобуре, и изменил выражение,—за пределы желанья достать копию рецепта,—заклучил он.

— Ты не такой уж плохой человечиска,—говорю я, стараясь быть вежливым.—Я задумал было сделать ваших овец сиротами, но на этот раз позволю вам улететь. Но помните: приставайте к блинчикам, да покрепче, как средний блин в горке, и не вздумайте смешать подливку с сантиментами, не то у вас на ранчо будет пение, и вы его не услышите.

— Чтобы убедить вас, что я искренен,—говорит овцевод,—я прошу вас помочь мне. Мисс Лирайт и вы — большие друзья, и, может быть, она сде-

лает для вас то, чего не сделала для меня. Если вы достанете мне копию этого рецепта, то, даю вам слово, я никогда к ней больше не поеду.

— Это по-честному,— сказал я и пожал руку Джексона Птицы.— Я рад услужить и, если смогу, достану вам рецепт.

Он повернул к большой грушевой заросли на Пьедре — в направлении к Шелудивому Ослу, а я взял курс на северо-запад, к ранчо старика Билля Туми.

Только пять дней спустя мне удалось снова заехать на Пименту. Мы с мисс Уиллелой провели очаровательный вечерок у дядюшки Эмсли. Она спела кое-что и порядочно потерзала пианино, заставляя его цитировать отрывки из опер. А я изображал гремучую змею и рассказал ей о новом способе обдирать коров, придуманном Снэки Мак Фи, и описал поездку, которую я однажды совершил в Сан Луи. Наше взаимное расположение крепло во-всю. И вот я думаю, если теперь мне удастся убедить Джексона Птицу совершить перелет,— дело в шляпе. Тут я вспоминаю его обещание насчет рецепта блинчиков и решаю выведать его у мисс Уиллелы и сообщить ему. И уж тогда, если я снова поймаю здесь птичку из Шелудивого Осла, я ей подрежу крылышки.

И вот часов около десяти я набрасываю на лицо льстивую улыбку и говорю мисс Уиллеле: «Знаете, если мне что-нибудь и нравится больше вида рыжего быка на зеленой траве, так это вкус

хорошего горячего блинчика с паточной смазкой».

Мисс Уиллела слегка подпрыгнула на фортепианной табуретке и странно на меня посмотрела.

— Да,—говорит она,—это действительно штука хорошая. Как, вы сказали, называется эта улица в Сан Луи, мистер Одом, где вы потеряли шляпу?

— Блинчиковая улица,—говорю я, подмигнув, чтобы показать, что мне, мол, известно о фамильном рецепте и меня не проведешь за нос.—Чего уж там, мисс Уиллела,—говорю я,—рассказывайте, как вы их делаете. Блинчики так и вертятся в моей голове, как фургонные колеса. Да ну же... фунт крупчатки, восемь дюжин яиц и так далее. Что там значит в каталоге ингредиентов?

— Извините меня, я на минуточку,—говорит мисс Уиллела, окидывает меня боковым взглядом и соскальзывает с табуретки. Она рысью выбежала в другую комнату, и вслед за тем оттуда выходит ко мне дядя Эмсли в своей жилетке и с кувшином воды. Он поворачивается к столу за стаканом, и я вижу в его заднем кармане многозарядку. «Знаменитая штука! — думаю я. — Эта семья, видно, здорово ценит свои кулинарные рецепты, коли защищает их с оружием. Я знавал семьи, так они не стали бы к нему прибегать даже при фамильной вражде».

— Выпей-ка вот это,—говорит дядя Эмсли, протягивая мне стакан воды.—Ты слишком много ездил сегодня, Джед, и переутомил себя. Попытайся думать о чем-нибудь другом.

— Ты знаешь, как печь блинчики, дядя Эмсли? — спросил я.

— Ну, я не ахти как осведомлен в их анатомии,—говорит дядя Эмсли,—но, мне кажется, надо взять грудку сквородок, немного дрожжей, соды и муки и смешать все это, как водится, с яйцами и сывороткой. А что, Джед, старик Билль опять собирается по весне сплавить скот в Канзас Сити?

Только эту блинчиковую спецификацию мне и удалось получить в тот вечер. Не удивительно, что Джексон Птица осекся на этом деле. Одним словом, я бросил эту тему и немного поговорил с дядей Эмсли о скоте и циклонах. А потом вошла мисс Уиллела и сказала «спокойной ночи», и я помчался к ранчо.

Неделю спустя я встретил Джексона Птицу, когда он уезжал от дядюшки Эмсли, а я направлялся к нему. Мы остановились на дороге и перекинулись пустяковыми замечаниями.

— Что, еще не достали список деталей для ваших румянчиков?—спросил я его.

— Представьте, нет,—говорит Джексон,—и, по всей видимости, мне не удастся завладеть им. А вы пытались?

— Пытался,—говорю я,—да это все равно, что выманывать из поры степную собаку ореховой скорлупой. Этот блинчиковый рецепт — талисман какой-то, судя по тому, как они за него держатся.

— Я почти готов от него отступить,—говорит

Джексон с таким отчаянием в голосе, что я почувствовал к нему жалость.—Но мне страшно хотелось знать, как печь эти блинчики, чтобы лакомиться ими на моем одиноком ранчо,—говорит он.—Я не сплю по ночам, все думаю, какие они замечательные.

—Продолжайте добиваться,—говорю я ему,—а я буду своим чередом. В конце концов кто-нибудь из нас накинёт аркан ему на рога. Ну, до свидания, Джекси.

Сам видишь, что в это время мы были в наимирнейших отношениях. Когда я убедился, что он не гоняется за мисс Уиллелой, я с большим терпением созерцал этого рыжеволосого слюнтя. Желая удовлетворить запросы его аппетита, я по-прежнему пытался выманить рецепт у мисс Уиллелы. Но стоило мне сказать слово «блинчики», как в ее глазах появлялся оттенок туманности, беспокойства и она старалась переменить тему. Если же я на нее наседаю, она выскальзывала из комнаты и посылала дядюшку Эмсли с кувшином воды и карманной гаубицей.

Однажды я прискакал к лавочке с очаровательным букетом голубой вербены, который набрал из стада диких цветов, пасущегося на лугу Отравленной Собаки. Дядюшка Эмсли посмотрел на него, прищурясь, и говорит:

— Не слышал новость?

— Скот вздорожал?

— Уиллела и Джексон Птица повенчались вче-

ра в Палестине,—говорит он.—Сегодня утром получил письмо.

Я уронил цветы в бочонок с сухарями и выждал, пока новость, отзвенев в моих ушах и скользя к верхнему левому карману моей рубашки, не ударила, наконец, в мои ноги.

— Не можете ли вы повторить еще раз, дядюшка Эмсли,—говорю я,—может быть, слух изменил мне и вы лишь сказали, что первоклассные телки идут по четыре восемьдесят за голову или что-нибудь в этом роде?

— Повенчались вчера,—говорит дядюшка Эмсли,—и отправились в свадебное путешествие к Вако и Ниагарскому водопаду. Неужели ты все время ничего не замечал? Джексон ухаживал за Уиллелой с того самого дня, как он взял ее с собой покататься.

— С того самого дня!—чуть не завопил я.—Какого же чорта он болтал мне про эти блинчики? Объясни ты мне.

Когда я сказал «блинчики», дядюшка Эмсли вроде как подскочил и попятился.

— Кто-то меня разыграл с этими блинчиками,—говорю я,—и я дознаюсь. Ты-то уж, наверное, знаешь. Выкладывай,—говорю я,—или, не сходя с места, я замешу из тебя оладьи.

Я перемахнул через прилавок к дядюшке Эмсли. Он схватился за кобуру, но его пулемет был в ящике, и он не дотянулся до него двух дюймов. Я ухватил его за ворот рубахи и толкнул в угол.

— Рассказывай про блинчики,—говорю я,—или сам превратишься в блинчик. Что, мисс Уиллела печет их?

— В жизнь ни одного не испекла, а я так их вовсе не видел,—убедительно говорит дядюшка Эмсли.—Ну, успокойся, Джек, успокойся. Ты разволновался, и рана в голове затемняет твой разум. Старайся не думать о блинчиках.

— Дядюшка Эмсли,—говорю я.— Я не ранен в голову, может быть, только гоняясь за коровами, я растерял свои природные мыслительные способности. Джексон Птица сказал мне, что он навещает мисс Уиллелу с целью выведать ее способ приготовления блинчиков и просил меня помочь ему достать список ингредиентов. Я помог, и результаты ты видишь. Так что же, красноглазый слюнтяй накормил меня белой или что?

— Отпусти-ка мой воротник,—говорит дядюшка Эмсли.— И я расскажу тебе. Да, похоже на то, что Джексон Птица сподличал и малость тебя одурачил. На следующий день после катанья с Уиллелой он снова приехал и сказал нам, чтобы мы остерегались тебя, если ты вдруг заговоришь о блинчиках. Он сказал, что однажды у вас в лагере пекли блинчики и кто-то из ребят треснул тебя по башке сковородкой. Джексон сказал, что стоит тебе разгорячиться или взволноваться, рана начинает тебя беспокоить, и ты становишься вроде как сумасшедшим и бредишь блинчиками. Он сказал, что требуется только отвлечь твои

мысли и успокоить тебя, и ты безопасен. Ну вот мы с Уиллелой и старались из всех сил. Н-да,—говорит дядюшка Эмсли,—этот Джексон Птица из какой-то особой породы слюнтяев.

Рассказывая свою историю, Джед медленно, но ловко смешивал соответствующие порции содержимого мешочков и баночек. К концу рассказа он поместил передо мной законченный продукт, пару румяных и пышных блинчиков на оловянной тарелке. Из какого-то секретного хранилища он притащил в придачу кусок превосходного масла и бутылку золотистого сиропа.

— А давно это было? — спросил я его.

— Вот уже три года,—сказал Джед.—Они живут теперь на ранчо Шелудивого Осла. Но с тех пор я никого из них не видал. Говорят, что Джексон Птица баррикадировал свою ферму качалками и гардинами все время, пока меня разыгрывал блинчиками. Ну, я вскоре плюнул на это, но ребята все время смеялись.

— А эти блинчики ты делал по знаменитому рецепту?—спросил я.

— Я же тебе говорил, что никакого рецепта не было,—сказал Джед.—Ребята все кричали о блинчиках, пока сами на них не помешались, и я вырезал этот рецепт из газеты. Как товарец на вкус?

— Чудесно, — ответил я, — отчего ты сам не попробуешь, Джед?

Мне послышался вздох.

— Я?—спросил Джед.—Я их в рот не беру.

ПОСЛЕДНИЙ ЛИСТ

В небольшом районе к западу от Вашингтонской площади все улицы были сломаны и разбиты на мелкие кусочки, названные «площадями». Эти «площади» образуют нелепые углы и завороты. Одна улица несколько раз сама себя пересекает. Некий художник открыл как-то, что такая улица таит в себе блестящие возможности. Представьте себе, что инкассатор со счетами за краски, бумагу и холст пойдет по этому пути и вдруг встретит самого себя, возвращающегося обратно, не получив по счетам ни одного цента.

Итак, в старый поселок Гринвич вскоре стали стекаться люди искусства в погоне за окнами на север, фронтонами XVIII века, голландскими мансардами и дешевой квартирной платой. Потом они привезли с Шестой авеню несколько оловянных кружек и одну—две жаровни и основали «колонию».

На самом верху коренастого трехэтажного кирпичного дома была студия Сью и Джонси. Джонси было — уменьшительнее от Джоанны. Одна девушка была родом из штата Мэйн, другая — из Калифорнии. Они познакомились за табльдотом в

одном пансионе на Восьмой улице и нашли, что их взгляды на искусство, на цикорийный салат и широкие рукава настолько сходятся, что им необходимо снять общую студию.

Это было в мае. В ноябре холодная, незримая незнакомка, которую врачи называли Пневмонией, стала бродить по колонии, прикасаясь своими ледяными пальцами то к одному, то к другому. По восточной стороне эта разрушительница ходила бодро, кося десятки жертв, но ее поступь замедлялась, когда она попадала в лабиринт узких, поросших мохом «площадей».

Госпожа Пневмония не была, как говорится, любезной старой дамой. Молоденькая девушка с кровью, закаленной калифорнийскими ветрами, была не особенно подходящей добычей для старой ведьмы с красными руками, страдавшей одышкой. Но Джонси она подкосила, и та лежала почти без движения на своей крашеной железной кровати, глядя через маленькие голландские окна на глухую стену соседнего кирпичного дома.

Однажды утром озабоченный врач вызвал Сью в переднюю, подмигнув косматой седой бровью.

— У нее один шанс,—ну, скажем, из десяти,—сказал он, стряхивая ртуть в своем термометре.— И этот шанс для нее—желание жить. Когда люди становятся в очередь к гробовщику, вся наша фармакопея оказывается глупостью. Ваша барышня твердо решила, что не выздоровеет. Есть у нее что-нибудь на душе?

— Она... она хотела написать когда-нибудь Неаполитанский залив, — ответила Сью.

— Написать?—Чепуха! Есть ли у нее что-нибудь на душе, о чем стоило бы подумать дважды: мужчина, например?

— Мужчина?— сказала Сью, и в голосе ее слышался скрип шарманки. — Разве мужчина стоит... Но нет, доктор, у нее ничего такого нет.

— Ну, тогда это ее слабость, — ответил врач. — Я постараюсь сделать все, что может достигнуть наука. Но лишь только моя пациентка начнет считать кареты в своей похоронной процессии, я отнимаю пятьдесят процентов у целебной силы лекарств. Если же вам удастся заставить ее задать хотя бы один вопрос о новом фасоне рукавов на зимнем пальто, обещаю вам: у нее будет один шанс уже не из десяти, а из пяти.

Когда врач ушел, Сью отправилась в ателье и плакала там в японскую салфеточку до тех пор, пока та не превратилась в древесную массу. Потом она чинно вошла с рисовальной доской в комнату Джонси, насвистывая негритянскую песенку.

Джонси лежала, повернувшись лицом к окну, и одеяло на ней почти не поднималось. Сью перестала свистеть, думая, что она уснула.

Она установила доску и начала делать рисунок пером — иллюстрацию к журнальному рассказу. Молодым художникам приходится прокладывать себе путь к искусству рисованием картинок для журнальных рассказов, которые пишут моло-

дые писатели, прокладывая себе путь к литературе.

Украшая фигуру героя, ковбой из Айдахо, парой элегантных бриджей и моноклем, Сью услышала тихие звуки. Она быстро подошла к постели.

Глаза Джонси были широко раскрыты. Она смотрела в окно и считала,—считала в обратном порядке. «Двенадцать», произнесла она, потом через некоторое время: «Одиннадцать», потом: «Десять», потом: «Девять», затем: «Восемь» и «Семь» — почти сразу.

Сью озабоченно поглядела в окно. Что там можно было считать? Был виден только голый, мрачный двор да глухая стена кирпичного дома футах в двадцати. Старые, старые прутья плюща с изъеденными и прогнившими корнями вползали до половины стены. Холодное дыхание осени сдуло с них листья, и скелеты веток, почти обнаженные, жались к выщербленным кирпичам.

— Что такое, милая?—спросила Сью.

— Шесть, — сказала Джонси почти шопотом. — Сейчас они падают быстрее. Три дня назад их было около сотни. У меня голова заболела, пока я их считала. А теперь легко. Вот еще один падает. Теперь осталось только пять.

— Да чего пять, милая? Скажи своей Сюди.

— Листьев. На плюще. Когда упадет последний, мне тоже конец. Я знаю это уже три дня. Разве доктор тебе не говорил?

— В жизни не слыхала такой чепухи,—заявила Сью с великолепным презрением. — Что общего

между старым плющом и твоим выздоровлением? А ты так любила этот плющ, противная девчонка. Не будь дурочкой. Доктор сказал мне сегодня, что у тебя есть шансы скоро поправиться, — дай-ка вспомнить точно, как это он сказал, — он сказал, что шансов десять против одного. Ну, это почти такой же хороший шанс, как у жителей Нью-Йорка, когда они ездят на трамваях или проходят мимо строящегося здания. Постарайся сейчас съесть немного супа и позволь Сюди вернуться к рисунку, чтобы она могла продать его редактору и купить своему больному ребенку портвейна, а себе, обжоре, свиных котлет.

— Вина больше не надо покупать, — сказала Джонси, не отрывая глаз от окна. — Вот падает еще один. Нет, супа я не хочу. Остается всег четыре. Я хочу видеть, как упадет последний, еще до темноты. Тогда я тоже умру.

— Джонси, милая, — сказала Сью, наклоняясь над ней, — обещай мне не открывать глаза и не смотреть в окно, пока я не кончу работать. Я должна сдать эти рисунки завтра. Мне нужен свет, а то бы я спустила шторы.

— Разве ты не можешь рисовать в другой комнате? — холодно спросила Джонси.

— Я лучше побуду здесь с тобой, — сказала Сью. — А потом я не хочу, чтобы ты продолжала глядеть на эти дурацкие листья плюща.

— Скажи мне, когда кончишь, — попросила Джонси, закрывая глаза, и лежала белая и безмолв-

ная, как упавшая статуя. — Я хочу видеть, как упадет последний. Я устала ждать. Я устала думать. Я хочу оторваться от всего и упасть, упасть, кружась, как эти бедные, усталые листья.

— Попробуй заснуть,—сказала Сью.—Мне нужно попросить сюда Бермана, чтобы он позировал мне для фигуры старого шахтера. Я вернусь сейчас же. Не двигайся, пока я не приду.

Старик Берман был художником и жил в нижнем этаже под ними. Ему было за шестьдесят, и его курчавая борода, как у Моисея Микель-Анжело, была прикреплена к голове сатира, насаженной на туловище чорта. Берман был неудачником в искусстве. Сорок лет владел он кистью и не достиг даже того, чтобы коснуться края одежды своего повелителя. Он постоянно собирался написать великое произведение, но так за него и не принялся. Несколько лет он писал только случайные вывески и рекламы. Он немного зарабатывал, позируя тем молодым художникам из колонии, которые не могли платить профессионалам-натурщикам по таксе. Он пил джин в чрезмерном количестве и, не переставая, говорил о своем будущем великом произведении. В остальном же он был скверный старикашка, жестоко издевался над всякими нежными чувствами и считал себя сторожевым псом, приставленным охранять двух юных художниц в студии наверху.

Когда Сью вошла к Берману в его скудно освещенную каморку, там сильно пахло можжевело-

выми ягодами. В одном углу стоял на мольберте чистый холст, прождавший двадцать пять лет появления первого мазка великого произведения. Она рассказала ему о причуде Джонси и о том, что она боится, как бы ее подруга, сама легкая и хрупкая, как лист, не отлетела прочь, когда ее слабые ручки перестанут цепляться за жизнь.

Старик Берман, из красных глаз которого потекли прямо ручьи слез, стал выкрикивать слова возмущения такими идиотскими фантазиями.

— Was?!—кричал он.—Неужели есть люди на свете такие глупые, что хотят умирать, потому что падают листы с какого-то проклятого плюща? В жизни не слышала такого. Нет, я не буду позировать для ваш дурацкий шахтер. Пошему вы позволяй ей приходить в голова такие глупые вещи? Ах, бедная малютка мисс Джонси!

— Она очень больна и слаба, — сказала Сью, — и жар наполнил ее ум мрачными и странными фантазиями. Что ж, мистер Берман, если не хотите позировать, — не надо. Но я думаю, что вы противный старый ворчун.

— Вот настоящая женщина! — заревел Берман. — Кто сказал, что я не буду позировать? Идите. Я пошел за вами. Целые полчаса я стараюсь вам доказать, что я готов позировать, Gott. Такой хороший барышня, как мисс Джонси, не должен лежать больной. Когда-нибудь я напишу великий произведение, и мы все уедем. Да, Gott!

Джонси спала, когда они поднялись наверх.

Сью спустила штору до самого подоконника и увела Бермана в другую комнату. Оттуда они со страхом поглядели в окно на плющ. Потом они молча смотрели друг на друга. Падал упорный, холодный дождь пополам со снегом. Берман в своей старой синей рубашке сел на перевернутый котел вместо скалы и превратился в шахтера.

Когда Сью проснулась на другое утро от часового сна, она увидела, что Джонси пристально смотрит тоскливыми, широко раскрытыми глазами на спущенную зеленую штору.

— Подними ее, я хочу видеть, — приказала она шопотом.

Сью устало повиновалась.

Вот чудо! Всю ночь хлестал дождь и дул порывистый, резкий ветер, и все-таки на кирпичной стене выделялся один листик плюща. Это был последний на плети. Он был еще темнозеленый у стебля, но его зубчатые края были окрашены в желтый цвет разложения и распада, и он бодро свисал с ветки на высоте двадцати футов от земли.

— Это последний, — сказала Джонси. — Я думала, он наверное упадет за ночь. Я слышала ветер. Он упадет сегодня, и тогда умру и я.

— Милая, милая! — воскликнула Сью, опуская свое измученное лицо на подушку. — Подумай обо мне, если не хочешь думать о себе. Я-то что буду делать?

Но Джонси не ответила. Самое одинокое на свете — это душа, которая готовится отбыть в таин-

ственный далекий путь. По мере того как ослабевали узы, связывающие ее с дружбой и землей, ею все сильнее овладевали грезы.

День угасал, но даже в полусумраке им был виден одинокий лист плюща, прильнувший к стене. А потом, с наступлением ночи, снова подул северный ветер, и дождик опять забарабанил в окошко, стекая с низких голландских крыш.

Когда стало светать, безжалостная Джонси велела поднять штору.

Лист плюща все еще был там.

Джонси долго лежала и смотрела на него. Потом она подозвала Сью, варившую ей куриный бульон на газовой плите.

— Я была скверной девчонкой, Сюди, — сказала Джонси. — Что-то заставило этот последний лист удержаться, чтобы доказать мне, какая я была глупая. Грешно желать смерти. Теперь ты можешь дать мне немного супа и молока с портвейном, и — нет, принеси мне сначала ручное зеркальце да обложи меня подушками: я сяду и буду смотреть, как ты готовишь.

Час спустя она сказала:

— Сюди, я надеюсь написать когда-нибудь Неаполитанский залив.

Днем пришел врач, и Сью, выдумав какой-то предлог, отправилась проводить его в переднюю.

— Шансы равные, — сказал врач, пожимая тонкую, дрожащую руку Сью. — При хорошем уходе вы победите. А теперь я должен посмотреть

Другого больного внизу. Его фамилия Берман, — кажется, какой-то художник. Тоже пневмония. Он старый, слабый человек, и заболевание острое. Для него надежды нет, но нынче его отправляют в больницу, где ему будет удобнее.

На следующий день врач сказал Сью:

— Она вне опасности. Вы победили. Теперь только питание и покой — больше ничего.

К вечеру Сью подошла к постели, на которой лежала Джонси, с довольным видом вязавшая совсем голубой и совсем ненужный шерстяной шарф, и обвила ее рукой вместе с подушками.

— Я что-то хочу тебе сказать, белая мышка, — начала она. — Сегодня мистер Берман умер в больнице от пневмонии. Он хворал только два дня. Швейцар нашел его в утро первого дня в его комнате; он обессилел от боли. Его башмаки и платье были насквозь мокрые и холодные, как лед. Ломали голову, где он мог быть в такую ненастную ночь. А потом нашли фонарь, все еще горевший, и лестницу, сдвинутую с места, и разбросанные кисти, и палитру со смешанными на ней желтыми и зелеными красками, — и посмотри, милая, в окно, на последний лист плюща на стене. Ты никогда не думала, почему он совсем не движется и не трепещет, когда дует ветер?! Ах, дорогая, ведь это — великое произведение Бермана: он написал его в ту ночь, когда упал последний лист.

ВОЛОГОДА

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ

Обл. Библиотека

Цена 20 коп.